

личности Петра III, которые — и то, нарушая пример более тактической Елизаветы — она позволила себе. Но в изображении М. В. Ломоносова было другое: виновниками «бед» и «опасностей» на Руси оказывались при беглом чтении оды иностранцы, как внешние, пруссаки, о которых говорит строфа 6, хотя, впрочем, и не называя их виновниками, так и внутренние, которым посвящены строфы 19—21, причем строфа 9, кажется, охватывает и тех и других, рисуя захват ими правительственного центра страны:

«На то ль воздвиг я град священный,
 Дабы врагами населенный
 Россиянам ужасен был,
 И вместо радостной столицы
 Тревожил дальные границы,
 Которы я распространил».

Получается впечатление, что внешние и внутренние иностранцы — и недавние враги пруссаки, и сомнительные друзья голштинцы и, главное, русские иноземцы — все согласно объединились в одном страшном политическом заговоре на государственную целостность и даже политическую независимость России. Такое впечатление от стихов популярного поэта могло просочиться в разные группы населения, образцы догадками, примыслами и толками и породить, особенно в социальных низах, при наличии воздействий и внушений заинтересованных кругов, сильное движение против находящихся на государственной службе или торгующих в России иностранцев. К тому же строфы 19 и 20 содержали и другие, с точки зрения того времени весьма тяжелые, обвинения против иностранцев, которые также могли быть использованы в агитации против них среди социальных низов и обострить отношение последних к иностранцам русской службы, торгова, ремесла или промысла в России. Поэтому страстные филиппики против них М. В. Ломоносова могли вызвать у Екатерины, определенным образом покровительствовавшей этим проживающим в России иноземцам, лишь очень отрицательное отношение и весьма сильное недовольство, — тем более, что М. В. Ломоносов не ограничился одними обвинениями и перешел на прямые угрозы русским иностранцам.

И еще одно. М. В. Ломоносов блистательно использовал ряд мест манифестов Екатерины для прекрасных и сильных строк 17 и 18, но он придал им характер поучения не назад, Петру III,